

ЕВА ВИБЕР

ЗОЛОТАЯ
РЫБКА
АЛЕШИ ПОПОВИЧА

Ева Вивер

Золотая рыбка

Алёши Поповича

<https://litres.ru/74091253>

SelfPub; 2026

Аннотация

Значит, так. Жили-были сказки всяческие, с городами да весями, с героями да злодеями, а среди них царство тридцатое. Правил в том царстве царь Емельян Трофимыч, да дочь его неразумная, Несмеянушка. И было у той Несмеянушки желаньице заветное, чтоб, значит, жених ей нашёлся пригожий да ласковый, и чтоб были они друг дружке по сердцу. Да только вот ведь в сказочной жизни дело какое - ладно да складно только в писанных сказках складывается, а в жизни-то сказочной всё иначе выходит...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	16
Глава 4	24
Глава 5	32
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Ева Вивер

Золотая рыбка

Алёши Поповича

Глава 1

– А Колобок давеча и вовсе отличился. Представь, твое величество, этот пузатый обормот на старости лет решил от своей Булки гульнуть! Я, говорит, вам, старым дуракам, не лепешка постная, я, говорит, на дрожжах замешен, мне, говорит, хха, гулять по статусу и внутреннему содержанию самой природой предназначено! Ха-ха! А тут брак, семья дети. Устал я, говорит, супротив природы идтить, пошел я, говорит, на лево!

И ведь пошел же! Хха! К старой Плюшке прямехонько, хха-хха... Понадеялся, поди, что и ее дрожжи на старости лет второе дыхание получили, вот и рванул к Булкиной давней сопернице. Да только Булка его на ту пору в аккурат к тетке своей спешила, к Ватрушке, Плюшкиной соседке, вот по дороге супружника и встретила! Хха-хха! Ой и крику-то было! Ой и визгу!

Простоватый деревенский парень в дырявом сюртуке и криво залатанной рубахе от души расхохотался над соб-

ственным рассказом и плавно сполз под стол. Нормальный такой обеденный стол, обильно украшенный золотыми вензелями, накрытый на три персоны и щедро заставленный всевозможными яствами. Одним словом царский.

Царь за столом так же имелся, разумеется, при полном царском обмундировании, в золотой короне с камнями самоцветными на с лысеющем темечке, в беленой рубахе серебром да жемчугами расшитой, с державою драгоценной да со скипетром диковинным. Сами мы того знать не знаем, ведать не ведаем, да только люд сказочный о том гуторит, будто скипетр тот из единорожьего рога целиком вырезан, да чешуей самой Золотой Рыбки изукрашен.

Супротив царя и царевна сидела. Ох и хороша была собою! С такой красоты только картины писать, да теми картинами избы украшать. Золот волос богат да долог, на солнце сияет, все вокруг освещает! Очи огромные, зеленые, бездонные, уста коралловые, щечки румяные, а на щечках ямочки. Глядеть не наглядеться!

Да только ежели царь с росказней молодцовых до слез хохотал, то царевна и кривой ухмылкой не усмехнулась.

- Полно вам, царь-батюшка, застолье в скотный двор превращать. Мы, конечно, нонеча не на работе, сказка наша на полке пылится, но лицо свое правящее держать надобно. Это Емельке вон, по долгу службы, так сказать, все дозволено, да и что с него, с дурака возьмешь? А вы, батюшка, Емельян Трофимыч, лицо правящее, цельное тридцатое царство

представляющее. Вам со срамных шуток зубоскалить не по чину.

– И то правда, Несмеянушка, чёй-то я расслабился не ко времени.

Царь, моложавый мужчина категории сорок плюс, манерно пригладил медные кудри, подкрутил усы и сдвинул корону на левый бок, не забывая при этом посматривать на свое отражение в самоваре.

- Красавец! Щеголь! Такому бы самому жениться, а не раз за разом дочурку этому вот обормоту в жены отдавать. - Картинно вздохнул Емельян Трофимыч, почёсывая уже проступившую на подбородке щетину. - Да ведь не судьба мне второй половиной обзавестись при царевне не пристроенной. Страшно. А ну вдруг мачеха новаявленная злобной окажется, как та вон, из тришестнадцатого? Что она там с падчерицей своей творила, с этой, как ее, с Белоснежкой? Так поговаривают что это еще цветочки, в других сказках, по слухам, куда страшнее бывало.

– Так и есть, твое величество, - отозвался из-под стола деревенский дурачок, даром что самого царя тезка, - в тридесятом, например, дочку главного королевского лесничего мачеха в служанку обрядила, да навозники чистить заставляет. А вот коли б ее папенька до мужика хорошего пристроил, того бы не было.

- Кошмар! До чего злые бабы докатились. Так в скором времени в сказках и положительных персонажей не останет-

ся, всех мачехи изведут.

Царь-батюшка почесал скипетром висок, едва не уронив корону в крошку, и смерил хитрым взглядом своих собеседников.

– Так может вас и впрямь обженить? А что, оба вы из одного сказочного государства, друг к дружке в хоромы вхожи, облобызались, опять-таки, неоднократно. Да после такого сам бог замуж велел!

– А я что, я не против! - вернулся за стол Емеля, и сей же час принялся поглощать фаршированную щуку. Не ту, с которой у него шашни в заводи имелись, а другую, обыкновенную, так сказать щукус-хвостатус-обыкновенус.

– Ты-то понятно, не против, - поспешила утихомирить излишний энтузиазм правящая персона, – да вот только что дочь моя по сему поводу думает?

– А что тут думать? Я, царь-батюшка, не для того на сказочный свет нарождалася, чтобы с дураком век коротать, да и не люб он мне. Плюс, за сколько лет совместной с ним работы, энтот индивид во мне ни разу искреннюю улыбку не пробудил, ибо такое только истинным чувствам по силам, а значит снова мы к делам амурным возвращаемся. С этой точки зрения мне, батюшка, даже заморский принц более импонирует, но брак с ним нашей сказке не надобен по политическим соображениям.

– И что ж ты мне делать прикажешь, Несмеянушка?

– Вам, царь-батюшка, ровным счетом ничего. Я, с вашего

царского дозволения, сама этим вопросом займусь.

- Ну, раз так, тогда вот тебе мое царское слово: замуж тебе выйти дозволено, да хоть за первого встречного! Но только учти, дочка, коли до конца второй седмицы с партией не определишься, быть тебе супружницей мужика Емели! А там и я для себя смотрины организую, хватит уж бобылем царствовать, бабу себе хочу! То есть, разумеется, царицу славную, во всех моих делах помощницу и соратницу. Да будет так!

Глава 2

-Нет, ну ты бы это видела! Бабу ему захотелось! А я страдай. Ну на что мне этот увалень деревенский надобен? Неужто в нашем царстве-государстве получше кандидатуры не нашлось?

- Ты про принца что ль заморского? Так он вроде не из наших...

- То-то и оно, что не из наших, хоть и из сказочных. А этот, выходит, лучший кандидат.

- Тут спорить не стану. Не предел мечтаний, конечно, но в нашем царстве только две достойных кандидатуры, Емеля да Иван дурак. Только вот за Ивана такие крали в очереди бьются, что тебе, голуба, лучше б в его сторону и не глядеть, а Емеля, вроде как, свободен.

- И что с того? Что ж мне теперь, за каждого свободного дурака замуж выходить? Эдак у меня в скорости целый гарем появится, в аккурат как в восточных сказках.

- Скажешь тоже. В восточных гаремы женские, а у тебя куда лучше будет, эпичнее. Представляешь, как за тебя мужики драться-то будут?

- Как же, драться они за меня станут. Понапиваются бор-мотухи из подпола деда Евсея, да за последний квашенный огурец мордобою устроят, а про Несмеяну то поди и не вспомнят.

Царевна шмыгнула носом и картинно утерла глазки шелковым платочком. Не зря ж она всюду сей атрибут женского гардероба за собой таскает, должна и польза от него быть.

– Велика печаль! Было б из-за чего щечки слезками мочить! Ты, подруга, вот что, не желаешь ли в других сказочных царствах-государствах суженного себе разыскать? А что, ты барышня грамотная, всю сказочную библиотеку от корки до корки наизусть знающая, глядишь и найдется в них для тебя принц, аль царевич какой.

– Знать-то я знаю, да только толку с тех знаний, ежели сама своего суженого по текстам не определяю? А ежели ошибусь? Ежели не на того подумаю? Ежели только время зазря потеряю?

– Ну, в этом-то я тебе, Несмеянушка, помогу. Вернее, не я, а знакомица моя, ведьма морская. Коль сама ты захочешь, она твоего суженного колдовством отыщет, да за малую плату тебя в аккурат к нему в руки предоставит.

– Да я сейчас, Щурочка, к любой ведьме согласная, хоть к людской, хоть к морской, лишь бы толк вышел!

– А раз так, то приходи вечерочком на крут бережок, в аккурат на закате, когда солнце моря касается, тогда у ведьмы самая сильная сила просыпается. А до той поры в светёлке сиди, никуда не уходи, да ни с кем речей не заводи.

Несмеяна только по-рыбы губами шлепнула в немом возмущении, но перечить подруге не стала, всёж-таки непростая она девка деревенская, а сама Щука волшебная, с такой

спорить себе дороже – скажи что не по ней так в миг заколдует, и глазом не моргнёт.

На том и простилися до вечера. Царевна принялась скорб в дорогу дальнюю собирать, гребни да заколки в узелок складывать, а Щурочка обратилась щукою, в кадку с водой нырнула, в ту самую подле которой красной девицей сживала, и только ее и видели.

Целый день просидела Несмеянушка подле окошка грусть тоску изображаячи, одну половину слезок по щекам растираячи, другую в слезницы собираючи, а в вечеру, как и оговорено было, явилась царевна на крут бережок: в платье своём, да самом простом, за плечами мешок, в мешке скорб на первое время, да туес с провизией. Да и как иначе? Как говорится, на ведьму надейся, а сам не сплошай.

Постояла царевна истуканом минуту-другую, глядь, а солнце уж море целует, сказку ему на сон грядущий нашёптывает. А море знай себе волнами играет, да гребни белые на берег кидает. На берегу каменюки морские в закатном солнце светом невиданным переливаются, да брызги водные в стайку собираются. Сияют камни сильнее, становится та стайка плотнее, точно полотно шелковое, а из того полотна наряд диковинный появляется, да в наряд тот девица обряжается.

- Пришла таки, не побоялася. – усмехнулась девица, – Видать и впрямь за Емелю дурака замуж не хочешь.

- И тебе, Владычица морская, доброго вечера.

Несмеяна, хоть и была царских кровей, а этикет помнила и о вежливости не забывала, а потому поприветствовала морскую ведьму так, как у людей заведено, в надежде тем самым и "рыбу" эту глубинную уму-разуму подучить.

– Твои б слова, да автору в уши! – Красивое, чего уж зависть таить, лицо ведьмы растянуло алые губы в довольной улыбке. – И хоть до Владычицы, положим, мне покуда далеко, за пожелание благодарствую. Коль того сама пожелала, от платы уж не открестишься.

– От какой такой платы?

Царевна, хоть и персонаж сказочный, а возмущена была искренне, по-женски, даже руки в бока уперла. Да и было чему возмутиться: желание не загадано, волшебство не сотворено, жених качественный, с товарным знаком, не подбран, а ведьма уже и оплату определила да ее, царевну, перед фактом поставила.

В общем, вид Несмеяна имела весьма недовольный и многообещающий. Ведьма же только рассмеялась. И смех у нее оказался такой звонкий, точно не женщина то смешинками разбрасывалась, а ручеек серебряный хрустальными каплями. Уууу, ведьма!

– Ишь ты! С лица вроде царевна, а гонор базарный. Неужто ты думала у меня услугу на спасибо выменять? А с виду то не глупая...

– За спасибо нынче и мухи не размножаются, по рублю на самовары просят. Вот и я не на дармовщинку с поклоном

пришла, отплачу чем смогу. Хочешь, камнями самоцветными, хочешь шелками золочеными, хочешь слез девичьих для зелий да снадобий нареву.

- Ну, этого-то добра, твоими молитвами, у всего сказочно-го государства по три ведра на лицо приходится, а вот приглашеньице во дворец не для каждого находится. За последние лета только Емелька туда и хаживал. Официально.

- А ты, значит, неофициально пробраться жаждешь?

- Окстись! Мне, Несмеянушка, ни богатства ваши, ни власти, даром не надобны, а вот царь-батюшка твой моей душеньке глянулся.

- Вот здесь, пожалуйста, поподробнее...

Тут уж царевна на ведьму другими глазами взглянула, да по иному поводу. Баба она, видно, молодая, красивая, здоровьем да умом не обделенная, такая может еще и наследника народить и трон с атрибутами, чтоб ее, царской власти захватить. Так может ну его, тот поиск достойного? Может и впрямь с Емелькой обвенчаться, да и дело с концом? Так батюшка все одно себе бабу притащит. А ежели та еще хуже покажется? Н-да, делема...

- А куда уж подробней? - Ухмыльнулась Ведьма морская, - ты вон, как я погляжу, сама уж подробностей напридумывала, да только все они одна другой глупее. Влюбилась я, в царя нашего батюшку. Оттого и в замуж не выскочила, как все ведьмы, после школьной скамьи, оттого и в практику подалась. Признаться, по первой думала, стану ведьмой-колду-

нней настоящей, да приворожу красавца царя. А он возьми да с матерью твоей обженись! Ну как женатого привораживать, даже ежели любимого? А после, как стал он отцом одиноким, так сам ко мне и явился. Свари мне, говорит, такое зелье, чтоб ни один приворот супротив него не работал, чтоб на сердце, да и на разум ни одна душа живая иль не живая повлиять не могла, чтоб все только по-честному, по-настоящему.

- А ты?

- А что я? Я сварила. Услуга-то была оплачена.

- И теперь...

- И теперь, Несмеянушка, батюшка твой только сам выбирает кто ему глянется, разумом, душою да сердцем. Оттого и хочу я на смотрины к нему попасть, счастье попытать, авось что и сложится. Ведь не даром же сколько лет на водных косметологов трудилась!

И снова царевна на ведьму иным взглядом посмотрела. Кожа у ней белая, щеки румяные, косы русые до самого пола тянутся, стройный стан со всеми округлостями подчеркивая. А что, можно и рискнуть.

- Что ж, коли так, то будет тебе на царские смотрины приглашеньице, сама приведу за белы рученьки и прослежу чтоб на три дня ты там задержалася, а ты меня за то и с косметологами своими сведешь. По рукам?

- По рукам! Но гляди, царевна, колдовство мое верное, к тому в руки тебя перенесет, кто тебе самой судьбой пред-

начертанный, от него уж, как от Емельки, откреститься не выйдет.

– Да будет так!

– Да будет так!

Возвела ведьма морская руки к темному небу, развела в стороны, очертя красно солнышко, да пред царевны очами в ладоши хлопнула, так что у обеих в ушах зазвенело, а у самой царевны и в глазах потемнело, и земля, точно из под ног ушла...

Очнулась царская дочка вроде и скоро, а вроде и век проспала: ног не чуючи, рук не чуючи, тело все будто жгутами скрутило где-то ныло, где-то саднило, а уж свет-то как глаза резал! Будто не вечерняя зорька бока в воду окунала, а самый полдень в лицо заглядывал. Завертелась Несмеяна, заерзала, попыталась ладони к глазам потянуть, да не тут-то было! Руки-то и впрямь чудными веревками перетянуты, а с ними и груди, и хвост...

- Эвот какую рыбу в мои сети притянуло! И не продашь, и не пожаришь.

Да и проснулась ли она вообще?

Глава 3

Прислушалась Несмеяна царица к тому, что вокруг происходит: море шумом шумит, шуршит волнами по береговым камешкам, чайки песни поют про любовь да про то, как хороши роллы селедочные под свежим листом нори в тандеме с болотной водицей особой крепости, самим Водяным на слизи улиток настоящей. И ведь что странно, раньше царица их крики и за пение не считала, а сейчас заслушалась, и в чем-то даже со смыслом согласилась, в части пользы улиточной слизи, разумеется.

А среди всего того шума еще один, "шлёп-шлёп, да шлёп-шлёп", будто кто по берегу не то бежит, не то скачет. И шлёпанье то все ближе и ближе...

Тут уж и вовсе царицу любопытство разобрало.

- Ох, да чем шут не шутит, - подумалось ей, - ну не ослепит же меня местное солнце, особенно ежели глаза не полностью открывать, а самую чуточку.

Как подумалось, так и сделалось. Приоткрыла Несмеяна сперва один глаз, после другой, да из-под дрожащих ресниц разглядела, как бежит, спешит к ней добрый молодец красоты писаной, как кудри его пшеничные за спиной развиваются на солнце золотой искрой отражаются, как очи сияют ясные, как блестят капли морские на коже бронзовой. Знать вот и он, принц заморский-чужестранный, Несмеяны-царицы

ны суженый!

Смотрит на него царская дочка и глаз оторвать не может. А молодец все ближе и ближе приближается, а веки все выше и выше поднимаются. И как только встал рядом с нею суженый, так Несмеяна очи восторженные полностью распахнула, да губы в приветливой улыбке растянула, эх, видал бы батюшка!

И добрый молодец ей в ответ улыбнулся, руками вроде обнять потянулся, да сладким голосом молвил:

– Живая, образина морская. Оглушить тебя что ли?

И голос у добра ли молодца красивый оказался, грудной, бархатистый, да только речи говорил странные и незнамо кому обращенные. Повертела Несмеяна головою из стороны в сторону, да никого вокруг более не обнаружив, и свой звонкий голосок подала.

– Здрав будь, добрый молодец. Я бы тебе согласно этикету поклонилась, да вот беда, затекли рученьки-ноженьки, двинуться не могу. Не поможешь ли красной девице, не поставишь ли на ноги?

А добрый молодец сперва уши мизинцами прочистил, затем темечко почесал, а после и вовсе перекрестился.

– Чур меня! Чур! Образина окаянная! Еще и речи человеческой где-то обучилась. Не иначе вражеская лазутчица! Надо бы тебя царю батюшке показать, он мужик умный, быстро сообразит из каких ты волостей да какого рожна в нашем царстве-государстве делаешь.

Несмеяна и ойкнуть не успела, не то чтоб слезу пустить, а молодец ее уж на руки подхватил, да через плечо богатырское перекинул. Ни дать ни взять военный! Задачи ставит размытые, но выполняет четко и беспрекословно. Уж она-то на таких нагляделась в батюшкиной дружине. Один только Анисий стрелец чего стоит! Помнится, в один год из соседнего царства делегация явилась с политической миссией, решали откель докель новый шелковый путь вести, не то через Веньшеньхуньские горы в деревеньку Моченую, не то через Пуньхуньстаньский пролив в село Каменное. Да только пришлые дипломаты в деревнях и селах квартироваться не желали, им бы под самым дворцом обосноваться, не иначе с целью дальнейшей узурпации сказочной власти, а царь-батюшка, город от лишних столпотворений ограждал и от торгашей ушлых оградить пытался. Потому и затянулась та миссия аж на сорок дней и еще три денечка сверху! И за то время пришлые всех лягушек в округе поели, а коих недоели, в бочки засолили и с собой утащили. Ох и комарья без нормального естественного отбора развелось!

Тогда-то царь-батюшка Анисия к себе и вызвал, велел истребить кровопиец проклятуших. Ну он и истребил. Вернее, истреблял как мог, луком и стрелами. По всему царству-государству тогда стрелы свистели, избы да хоромы царские от земли до флюгера были ими усеяны как игольницы иглами, на улицу и носа показать страшно было: а ну как Анисий стрелец комара на тебе заметит...

Спасибо Щурочка выручила, из соседнего царства лягушек на передержку взяла на обоюдно выгодных условиях.

А здесь, выходит, свой Анисий имеется, силушкой наделенный да разумом не обремененный. И сейчас этот местный аналог тамошнего стрельца тащит ее к действующему на данной территории руководству. Еще б знать, что за территория такая, на которую ее, царскую дочку, ведьминой волной вынесло.

Одна беда, нынешнее ее положение, во всех смыслах, к задушевной беседе не располагает и расспросов не предусматривает. Да и с кем, вернее, с чем здесь беседы вести, когда пред очами девичьими бесстыдно вертится богатырский, я извиняюсь, зад!

– Я, конечно, извиняюсь, – вовсе не по-сказочному царевна молвила, – но не мог бы ты, солдат, меня на ноги поставить?

– Отчего ж не поставить, коли ноги есть? – Хохотнул добрый молодец и вовсе без уважения к ее царской персоне, – да только у тебя, чудо рыба, они откуда?

Тут-то Несмеянушка про тот оптический обман и вспомнила, как платье дивное на солнце чешуей диковинной переливалось, как кружева заморские на волнах качались, и как хлопнула этим самым "платьем" по боку добра молодца, да ка-ак икнула с перепугу!

– Ик! Ой... Да как же так-то? Это что ж я теперь выходит русалка?

– Может русалка, а может и сам черт морской, это уж пусть царь-батюшка разбирается. А мое дело маленькое - нашёл чудо-юдо, принес чудо-юдо, нашёл Горыныча, принес Горыныча, нашёл Соловья-разбойника...

– Да поняла я, принес Соловья разбойника. Ладно уж, нашёл, значит неси, а я покуда думать буду.

Добрый молодец аж с шага строевого сбился.

– Как это так, думать? В неволе думать не положено! А ты в аккурат образина подневольная, так что брось это дело, супротив государя нашего думы думать! А то ведь и впрямь оглушу.

Тут бы царевне и обидеться, да слезы пролить горькие, как оно ей по сказке положено, но, то ли дело делается, коли сказка другая сказывается? Тут другой подход нужён, творческо-политический. Потому надула губы Несмеянушка, да слезы проливать не стала.

– Скажешь тоже, не думать, образина... Да кабы ты знал кто я.

– Вот царь-батюшка и разберется, а ты пока это, поспи что ли?

Спать-почивать Несмеянушке уж и вовсе неохота было, да только признаваться в том солдату не стоило. А ну как и впрямь оглушит? Помнится, Щурочка рассказывала, что дело то не из приятных. Глушил тут у них как-то Иван-дурак окуньков на уху, да она на ту пору недалече проплывала. А тут как загрохочет! Как вода вокруг нее ввысь под-

скочит! Полторы сотни карасей живьем на берег выбросило. Еще сотня сей же час дух испустила да пузом кверху всплыла, а сама Щурочка да десятка два мальков чудом выжили, их волной поглубже в реку откинуло, только вот все они с той поры на слух жалуются и страшного водотрясения до жути бояться.

Нет, быть оглушенной глушеной царевне не гоже. Придется делать вид будто и впрямь спит.

Несмеяна и очи прикрыла для верности. А ну как красавец проверить решит? Хотя, какой он красавец? Вот царь-батюшка в этом царстве-государстве во сто крат краше будет! Так уж в сказках заведено, чем герой главнее, тем ликом красивее. А кто ж главнее царя?

Эх, понять бы, что за царство, да кто тут царь. Так-то Несмеянушка все их портреты в учебниках по сказочной истории лицезрела, кем любовалась, а кому и рожки-сережки пририсовывала. Один, помнится, ей особо запомнился, принц, в книжной версии безымянный, в мультяшной, чур меня, вселенной Эрик, в реальном сказочном мире царевич Алексей. Даже жаль, что это его имя никому неведомо, глядишь и сказка бы не так плачевно закончилась. А ну как его это царство?

Царевна очи еще шибче зажмурила, память напрягла, анкетные данные припоминая, и вот что вспомнила.

Царевич Алексей Еремеич четвертый, двадцати пяти годов сказочного возраста. Росточком высок, волосом черен,

очами зелен, взглядом добр, умом не обделен, этикету обучен, шашками да шахматами увлекается, категорически не приемлет рыбалку. По характеру мягок, покладист. Хозяйственный, домовитый, по пирам зазря не шастает, царскую казну попусту не тратит. Словом, один из тех, по ком все девицы тайком вздыхали, да чей портрет под подушками прятали. И у Несмеянушки такой был, из того самого учебника вырезанный.

Царство-государство его не за тридевять земель прячется, а совсем рядышком, с ихним по соседству. С трех сторон морем синим окружённое, с четвертой оно малым мостиком к большой земле прилегает, к деревеньке "малые лепешки", откель Колобок родом.

Хоромы царские по-над самым морем синим стоят, в расцветном солнце купаются, золочеными крышами переливаются, да по чистоте стен белокаменных с самими облаками соперничают.

Тут уж царевна сызнова свое пробуждение припомнила. Что там на горизонте сияло ярко? Уж не черепица ли золоченая, от ветров да бурь заговорённая? Казалось ведь, что солнце в облаках резвится, скачет ввысь будто воды боится.

Возрадовалась Несмеянушка своим домыслам, возликовала душою, сердцем чувствовала правоту свою, не зря ведь во всем сказочном мире лишь Василисе Премудрой умом да разумом уступала, да на радостях в голос и подытожила:

– Алексей, значит. Алешенька.

А пленитель ее возьми да и брось свою ношу наземь.

– Откель это ты, образина морская, имя мое прознала?

Неужто и впрямь ведьма?

И ответила б Несмеянушка, да только от удара о сыру землю весь воздух из нее вышел, в очах у ней потемнело, в голове зашумело, в общем обморок взялся за дело.

Глава 4

На другой раз пробуждение жутче первого оказалось. Все тело у царевны и саднило, и болело, и кругом занемело. Одни только очи и шевелились, да и то неохотно. Впрочем, и некуда было ими шевелить: кругом тьма-тьмушая, точно все небо черной шкурой затянуто, ни зги не видать. Зато многое слышать. Вон, вроде хворост недалече переломился, и вздохнул кто-то навроде как с сожалением, а потом и голос подал, солдатский.

– Ну и удружили мне сети Илюшины, такой улов принесли, что и впрямь за раз не снести ни в жизнь не съесть. Кабы знал, что не для красного словца сказано было, телегу бы захватил, а так... Неудобства одни. Проблемы.

Тут вдруг вода по камням закапала. В темницу ее приволокли что ли?

– А мне проблемы все эти знаешь как не по нраву? – продолжал голос, – Да откель тебе знать? Ты, образина морская, хоть и красивая вражья морда, да ума в голове вовсе не имеешь. Кабы имела мозгов хоть с горошину, сама б в сети не сунулась и рыбу всю расшугала, а ты... Да что с тебя взять – баба! Хоть и хвостатая.

С мужиком бы оно проще было. С мужиками разговор короткий: дал в морду и вопрос решен, кто сильнее тот и прав выходит, а с вашей сестрою так не выйдет, вам все словес-

ные батальи подавай, да принцев на конях. А ведь кони здесь при чем? Загоняли уже бедных животных по всем сказкам. Где карету тащи, где принцев вози, а где и вовсе змея о девяти головах! А переработку кто платить будет? А молоко за вредные условия? Да что там молоко, хоть бы сено своевременно подвозили...

И ведь не заступится никто, все-таки животное бесслезная, а не человек.

Тут уж Несмеяна заслушалась. И голосом медовым и речами странными. По всему выходит, что солдат Алексей не простой царев рубака, а со своей волею, да со разумом, хоть и с мыслями путанными точно нитки без клубка. Вон и в зоозащитники подался, как простой человек, не сказочный. Царевна то про таких только из новостных сводок в утренних вестниках ведала, а что в сказках они объявились и слыхом не слыхивала, а тут вон оно как: живой, настоящий, сказочный. И красивый, чего уж там. Но принц здешний куда красивее быть должен, ему то по статусу полагается. А этот... Этот, знать, для того на пути встретился, чтоб ее к суженному доставить и честь по чести представить. А как же он ее ко двору представит, когда сам о ней ничего не знает? Эх, по всему видать, пришло время знакомиться.

Собралась с духом царевна, лицо царское для беседы правильной подготовила, да только уста разомкнула, как кругом гром загрохотал, небеса вдалеке молния надвое расколола, где-то недалеко дождь забарабанил, а добрый молодец факел

разжѐг да на стену каменную закрепил.

– Что, образина морская, небось такого представления отродясь не видывала?

Тут Несмеянушка рот и захлопнула. От возмущения.

– Погодь, тать хвостатая, покуда до царя доберемся еще не то узрешь! И поля зеленые, и луга цветущие, коих на морском дне отродясь не водилось, и леса вековые зверем да птицей переполненные, а уж как они поют!

- Кто?

В горле у царевны пересохло, не иначе от волнения, (ведь так как она любила слушать птичьи трели, никто не любил), оттого голос слаб стал, скрипуч да слышен едва-едва.

– Дрозды, скворцы, соловьи, кукушки. Это тебе не рыбы безмолвные, это самой природы вестники, самого солнца сказители. Пением своим сердца топят да души лечат. Глядишь и твое мокрое сердце высушат да теплом солнечным наполнят. Апосля новым человеком проснешься. Ну или воблой вяленой, там уж как жизнь сложится.

Рассмеялся добрый молодец, да тут на царевну взор свой и обратил. Иначе глянул, как на душу живую человеческую, как на девицу красную. А ведь и было на что поглядеть! Волос богат да долог, цветом с самой зарей соперничает, очи бездонные зелены что омут, уста коралловые, что жемчужные зубки скрывают, так и манят точно магнитом, и фигуркой ладненькая: все при ней. Эх, кабы не хвост!

Хорошо факел разгорелся, супротив него Алексей еще

один пристроил, да принялся по полу тонкие хворостинки собирать, в кострище старое складывать, глаз при том от царевны не отрываючи. Осветило пламя желтое пещеру глубокую, замерцал рыбий хвост закатным золотом да тут же в наряд диковинный оборотился. Не в платье царское женское, не в сарафан девичий, а в штаны мужицкие узкие, в каких принцы заморские щеголяют.

– Тьфу, срамota какая! – сплюнул добрый молодец, да спину разогнул.

- Я думал баба, а ты вона что, неведома зверушка. Раз так, то и нече разлёживаться, подымай зад с лежанки да дрова таскай, коли околеть не хочешь!

Тут уж царевна едва не разревелась белугою. Это ж надо, ее, царевну Несмеяну, едва ль не самую завидную невесту средь сказочных государств, неведомой зверушкой окрестить!? Дак как он вообще до такого додумался? Ирод!

Ну да не время сырость разводить, и без того ее много. Эвон как буря разыгралась, как гроза раздухарилась, а уж как дождь поливает! Ну точно потоп былинный! В такую погоду, да при такой компании, плакать последнее дело. Потому встала царевна с лежанки, размяла затекшие ручки да ножки, потянулась сладко, да за дело принялась.

Попервой она камни у кострища теснее друг к дружке приставила да вокруг золу прибрала, после дровишки колотые с дальнего угла доставила, уложила шалашиком, как ба-тюшка в детстве учил, затем в тот шалашик пук соломы за-

пихала да тонкого хворосту.

– Вот теперь и поджигать можно. Принимай, добрый молодец, работу!

Подивился Алеша, на труды "русалочки", почесал темечко, плюнул через плечо да солому поджогу.

– Хороша твоя работа, образина морская, видать не простой ты лазутчик, обученный. Еще и под бабу замаскированный. Ходить и то по-бабьи научился! Такое и цареву шути не по силам, а ты, чудище хвостатое, гляди-кась, токмо на ноги встал и вот оно!

– Что оно?

– Походка, говорю, как у девицы.

– А как же иначе, когда я и есть девица? Да не простая, а будущая царица.

Несмеяна сызнова лицо царское сделала, плечи расправила да позу портретную приняла. Только больно уж срамной портрет получился по сказочным меркам: портки яркие на ногах почитай ничего не скрывают, груди девичьи одними только ракушками прикрыты, плечи да спину волосы прячут. Ох и высек ее батюшка за такой наряд.

– Эка ты сказочник какой! С чего бы это морской царь дочь свою на землю послал? Ясен день брешешь! Хотя, на девку ты и впрямь похож.

– Царя морского я и видом не видывала, и как кличут его слыхом не слыхивала, нет в нашей царской библиотеке о нем сведений.

- А о нашем, значит, есть?

- А то как же! Меня, как любую царевну, грамоте обучали, да как завидной невесте о всех царевичах сказывали, портреты показывали.

Тут уж Алексей не выдержал, поднялся во весь рост, взглянул на царевну сверху вниз, обошел кругом. Хороша! И жабер нет, как в чудных книжках, и чешуя не лице не поблескивает. А то что хвост был, так то и померещиться могло на солнце ярком. Опоили его чем что ли? Так иль нет, после разберемся, сейчас бы мотивы понять.

- Хороша невеста, ничего не скажешь. В срамных портках по чужим царствам-государствам шляется!

- Да не мои это!

А добрый молодец будто и не слышал, свое продолжал:

- Решила таким манером нашего Алёшку на себе обжानить, с первой встречи весь срам показать?

- Я, знаешь ли, и без сраму лучшая, а он, видишь ли, и без того на мне женится, ибо самую судьбой мне одной предназначен!

- И за что ж тебе судьбина такая? – прошептал В рукав добрый молодец, а уж громче другое выпросил: - Ты с чего то взяла, неразумная?

- А с того, что мне о том сама Ведьма морская поведала, и сама меня к суженному отправила, по путям морским, к его царству прямёхонько.

Напряг как мог память добрый молодец, все о ведьме мор-

ской вспоминая, и вот что вспомнил: никогда та Ведьма не ошибается, никогда не промахивается, зла никому не делает, обо всех на свете все ведает, и уж коли что ею скажется, непременно то так и сбудется.

Почесал добрый молодец темечко, из сумы рубашонку выудил да царевне подал с почтением.

– Как же звать тебя, образинушка?

– Несмеяна свет Емельяновна.

– Вот же брешешь, Трепанга Осетровна! Несмеяну в каждом царстве-государстве знают, как родную любят, ее слез в каждой избе, в каждом тереме по ведру стоит на настойки да отвары целебные!

– Может и портрет в каждом доме висит?

– Про портреты в домах не ведаю.

– А коли так то не спорь с царевною, мужик лапотник!

Задрала нос Несмеянушка, едва о своды пещерные не оцарапала. Ишь, какой выискался! Самой царевне Несмеяне не верует!

Алексей же на то только глаз сощурил. Ничего, дескать, рано ли, поздно ли, а сама себя покажешь.

– Полно те, побранилась да будет. Нече нам с тобою собачиться. Уж хочешь-не хочешь, а до замка нам с тобою бок о бок топать, из одной миски лопать, другая-то у меня не припасённая. Рубаха и та чудом в суме оказалась. Думал было на гулянья с друзьями пойти, опосля рыбалки, да видно уж не получится. Надевай давай, срамная царевна, отвернись.

Ну и отвернулся, знамо дело! Хотя и на стороже был, а ну как всё ж вражина морская? Не верить же на слово?

Глава 5

Тепло в пещере было, да светло от факелов с костерком. В огне полешки потрескивали, над ними котелок кипел с постной кашею, у огня двое сидели, друг со друга глаз не сводили, ни об чем не говорили. За пещерою дождь лил, гром глосил, молнии серебряные тучи черные нет-нет да вспарывали, а свету не добавляли. Хоть то и день был, а темно будто ночью! Нехорошая то темнота, недобрая.

Несмеяна то в такую погоду завсегда во светелке сидела, на пяльцах вышивала, да о дурном не ведала, а Алеша не царских кровей, жил в домишке без дверей, спал чутко, что волшебная утка, от каждого шороху просыпался да чуть что сразу дрался, без разговоров. Вот и сейчас царевна не ждала подвоха, на интерес в гляделки играла, а Алеша весь в слух оборотился, ждал беды, что должна приключиться. И беда долго ждать не дозволила, раз! И объявиться изволила.

Только что во пещере их было двое, а тут уж и трое стало: Несмеяна, Алеша, да какой-то малый. Сам неказистый, плешивый, плечистый, ножоночки кривенькие да коротенькие, ручоночки толстенные, волосистые, точно шерстью покрытые, нос картошкой, шея бычья гармошкой, один глаз платком перевязан, а другой будто кровью измазан. Ухмыльнулся царевне незванный гость, сплюнул в сторону добра молодца, да скрипучим противным голосом молвил:

– Здрав будь, Алешка, поповий сын.

– И тебе не хворать, Соловушка. Снова рыл подкоп из неволи-то?

Растянул незванный гость губы в усмешке презрительной, выставил на обозрение зубы гнилые, ногой топнул да в грудь себя хлопнул.

– Я, Алешка, из любой неволи выберусь, коли сам того захочу, а сам в неволю не прыгну!

Молвил так, да единственным глазом на царевну зыркнул. Испугалась царевна, но виду не подала, не пристало царской дочке пред разбойничьей нечистой духом падать да труса праздновать, хоть и боязно, а лицо держать надобно. А уж если защитник имеется, так тут уж и говорить не о чем, не то чтоб бояться.

– От чего ж ты тогда ко мне явился, ежели обратно в неволю не хочется.

– От того, дурья твоя башка, что план у меня имеется, как тебя вместо меня в темницу засадить, а самому при царских палатах припеваючи жить поживать, горя не знать да девок портить.

Рассмеялся Алеша от души, да так что и за живот от смеха ухватился и в поясе пополам сложился. Слезы по щекам от смеха катятся, от него же пещера сотрясается, очи синие сильно щурятся, а все видят, все подмечают. Вот стоит Соловей разбойничек, ноги широко растопыривши, он руками в бока упирается, гнилозубым ртом улыбается, и глядит в ак-

курат в ту сторону, где порода у сводов треснула. Знать решил, пёс паршивый, схоронить его заживо, ну а тело камнями истерзанное за свое выдать. Вот только как его, богатыря царского, место занять удумал? Неужто думает что други его про то не узнают, Соловья не признают?

Ну да с тем и после разобраться можно, а сейчас задача прямая: самому выжить, да образину морскую, царевну само наречённую, из беды неминуемой вызволить. Только вот позиция у него дюже уж невыгодная, загнала в тупик непогодушка, не иначе придется боем прорываться, да поторапливаться, пока ирод поганый языком чешет.

– Значит план, говоришь? И неужто уж ты его сам своим умищем состряпал?

– А то как же! Я ведь, мужик умный, второго такого и за тыщу верст в любую сторону искать не сыскать, про то каждый знает.

– Это кто ж тот каждый? Из твоих ли, из наших? А может, у тебя дружина имеется, в коей такие каждые числятся?

– Имеется, разумеется! Моей дружине и царская позавидует! Таких молодцов и во всей сказке не сыскать, по сравнению с ними Горыныч и тот не змей, а червь земляной, с отрубленной головой.

Эвон как понесло разбойничка. Еще малость и все карты раскроет, все планы расскажет, только время потянуть надобно.

– Пол пенька да белки вороватые, вот и вся твоя дружина.

Сплюнул Алешка в сторону, распрямил спину, да с лентой спрятал руки за голову, дескать, вот он я, пред тобою стою без оружия, без защиты, а сам на царевну поглядывает, не испугается ли, не спутает ли его все, Алешкины, планы. А попутно на те планы намекает, за спиною ладошкой машет, дескать отойди девица в сторонку, не мешай бою смертному.

Не глупа была Несмеянушка, быстро поняла что за птица к ним на огонек пожаловала, а как заприметила Алешины знаки, так в миг сообразила что делать надобно да от себя немного сказочной дипломатии добавила.

Поднялась царевна во весь рост, косу через плечо перекинула, так чтоб волос богатый пламя золотое отражал да вражине неумной цветом глаза застил, поклонилась в пояс, рубаху мужскую к грудям прижимаячи, да молвила:

– Здрав будь, путник. Небось устал ты, болезный, умаялся. А ты, Алеша, чего на гостя шипишь? Али не видишь, что с дороги человек? Ты бы его напоил, накормил, спать уложил, по традициям нашим сказочным, а по утру уж хоть бейтесь хоть смейтесь. Главное ж ведь оно что? Традиции соблюсти да гостю свое уважение выказать. А ну как сегодня в последний раз видите, а промеж вас такие страсти, что после ни о чем хорошем и не вспомнится. Где тут у нас, соколик, рушник да хлеб с солью?

Алеша сперва аж опешил, рот раскрыл, глаза выпучил, да после все как было вернул и на суму рукой махнул.

- Эвон, в суме горбушка имеется да узелок с солью, а руш-

ники, уж прости великодушно, я за собою никогда не нашивал, нужды не было.

Соловей и вовсе на время будто дар речи растерял. Одно только на Несмеянушку глядел, да на Алешку поглядывал, и ухмылялся глупо: он то, значит, думал, что девица никто иная, как заморская царица в богатырском сопровождении, а то зазноба его? Вона как подле сумы вертится, угодить пытается. Видать, ложным донос оказался, хоть источник вернее верного. Али и впрямь царица морская, да актриса отменная? Тут уж самому разузнать придётся, коли времечко найдется, ну да с этим она сама подмагнула, когда за хлеб да за соль загнула.

— А я, краса девица, не из гордых, угощение нехитрое и из рук твоих приму, коли самого Соловья разбойника не испугаешься.

- А чего мне тебя пужаться? Я ж ведь про тебя все знаю, а ты и про то, кто я не ведаешь. Так что, это уж ты, гость дорогой, не пужайся, вот, горбушкой угощайся, а после умывайся, да к трапезе присоединяйся. Что на двоих варили, то на троих и разделим. Хлеб да соль тебе, гость дорогой.

Молвила такие слова Несмеянушка, косой огненной трянула, угощение с поклоном Соловью протянула, да только из своего схрона навстречу и не ступила. Как была, так и стояла подле сумы, у дальней стены, что в закуте. Тут вроде и ей бежать уж некуда, ежели вражина наступать станет, а вроде и защита рядом, ведь коли Соловей к ней потянется, богатырь

позади него останется, а кто ж станет ко врагу спиной поворачиваться?

Усмехнулся тут Алеша Попович, ведь и впрямь хитро девица поступила, теперь у разбойника два пути: принять хлеб-соль, да под одной крышей с ними ночь переночевать, а после уйти с миром коли уж трапезу разделили, иль попрать устои сказочные, хлеба не отломить, тогда его и сама сказка вычеркнуть может, в небытие отправить.

А Соловей и того шире рот растянул, играла и ему царевна на руку.

– Благодарствую, красна девица, по традиции, так по традиции.

Ступил Соловей разбойничек раз, ступил другой, а на третий уж подле царевны стоял. Надломил хлеб, окунул в соль, да с причмоком в рот и закинул. А Несмеяна уж чарку с водою протягивает.

– Запей, братец.

После трапеза за одним столом, из щита богатырского да двух пар колен, с одного конца Алешиных, с другого разбойничьих. И никто не смел коленом шевельнуть, дабы каша не опрокинулась и традиции не попралися.

Радым рада тому Несмеянушка, не по сердцу бои красной девице, радым рад тому и Соловушка, лишь один не рад Алексеюшка, сын поповий да богатырь царский, за одним столом со вражиною сидючи.

Почивать легли все разом. Несмеяна на соломе разме-

стилася, подле огня, а Алеша с Соловушкой друг поперед другом у входа в пещеру спинами к стенам привалились, да пока од

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.